

Юнона Белова

ДЕНЬГИ
НЕ ЛЮБЯТ
ЛЖИ

Развод с предателем.

Твои офшоры
тебя выдадут!

ОФШОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ОФШОРНЫЕ
СЧЕТА

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РАЗВОДЕ

Юнона Белова

Развод с предателем. Твои офшоры тебя выдадут!

<https://litres.ru/74621009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я задержалась в офисе до полуночи, чтобы закончить отчёт. А обнаружила на столе мужа красный шарф его новой HR-директорши.

В телефоне Артёма нашлась переписка, которая уничтожила мой брак.

Муж не просто изменял. Он собирался уволить меня, обвинить в краже корпоративных данных и вывести миллионы через фирму любовницы.

Десять лет я строила наш бизнес, а теперь должна была уйти ни с чем.

Но Артём просчитался.

Я знаю каждый договор, каждую цифру и каждый секрет нашей компании. А независимый аудитор, которого муж пытался убрать с дороги, неожиданно становится моим союзником.

Теперь предателю придётся выбирать: потерять деньги, карьеру или свободу.

А мне — решать, готова ли я снова довериться мужчине.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юнона Белова

Развод с предателем. Твои офшоры тебя выдадут!

Глава 1

Полночь. В коридоре работает один кондиционер — над моей головой, конечно. Другие восемь выключены. Папка с квартальным отчётом подмышкой уже стала частью тела; если сейчас отнять её, наверное, перекосит. На последней странице моя фамилия, ниже пустое место для подписи Артёма. Одно движение его ручки, и я наконец поеду домой. Барсик наверняка сидит у двери. Когда возвращаемся вдвоём, он сначала трётся о мои ботинки, а потом демонстративно идёт встречать мужа, будто я тут работаю гардеробщицей. Сегодня я согласна даже на эту несправедливость. Лишь бы закончить.

В кабинете Артёма горит свет. Дверь приоткрыта на палец, из щели тянется белая полоска по ковролину. Он собирался уехать час назад, пока я сводила его очередное «мы потом договоримся с подрядчиком». Наверное, забыл лампу. Сейчас распишется — если ещё здесь — или я оставлю папку на клавиатуре: утром не сможет сказать, что не видел.

Толкаю дверь плечом. Правая рука затекла под папкой, переложить её лень.

Кабинет пахнет дорогим кофе и чем-то еще. Резким, сладковатым. Запахом чужих духов.

На клавиатуре места нет: телефон Артёма лежит поперёк, экран светится. Рядом красный кашемировый шарф, край свесился со стола почти до пола. Я уже видела, как Вероника встряхивала его перед зеркалом на прошлой неделе, пока представлялась нашим новым HR-директором. «Марина, ты так похожа на мою старшую сестру!» Тогда мне польстило, что она сразу перешла на «ты». Теперь хочется отмыть эту любезность с себя. Рядом та самая керамическая тарелка из Токио: Вероника приносила её на кухню, объясняла, почему нельзя мыть в посудомойке. На тарелке два недоеденных суши, соевый соус подсох по ободку. Для такого позднего ужина они нашли время. Для моей подписи — нет.

Живот скручивает спазмом. Не от голода. От тошноты.

Ставлю папку на край стола и поднимаю телефон. Он тёплый; значит, совсем недавно Артём держал его в руке. Хочу положить обратно, пока он не вернулся, и всё-таки нажимаю на открытую переписку. Вероника, десять минут назад: «Ты обещал уволить её завтра. Я хочу видеть её лицо, когда это случится». Я перечитываю. «Её» — это может быть кто угодно. Лена? Сотрудница, с которой Вероника не сработалась? Почему я сразу решила, что речь обо мне?

Листаю вверх, чтобы найти имя. Я сейчас найду имя, по-

ложу телефон, оставлю отчёт. Мне нечего здесь устраивать. Палец соскальзывает, и я попадаю ещё на несколько дней назад. Становится трудно удержать телефон одной рукой.

«Встречаемся в четверг?», «Скинула счет за отель», «Она ничего не заметила, думает, я работаю допоздна», «Фиктивная фирма готова, переводы пойдут через месяц».

Чек за отель я помню: Артём просил не беспокоить его на выездной встрече. В тот вечер я сама отпарила ему рубашку — белую, которая вечно плохо сходилась на манжетах. Пока искала запонки, он целовал меня в макушку. Сейчас в сообщениях рядом с отелем стоят название фирмы и суммы переводов. Пролистываю ещё. Они обсуждают, как убрать меня из финансового блока, и Артём отвечает так буднично, будто выбирает время совещания. Под пальцами гладкое стекло, под ногами наш офисный ковролин. Откуда же это желание стряхнуть с себя что-то липкое? Я не была в том отеле. Это не я должна стоять здесь и стыдиться.

Сзади скрипит ручка двери. Звук такой громкий, что я вздрагиваю всем телом.

Артём входит с пальто на плече. Я успеваю заметить, как он приподнимает руку, собираясь повесить его, и останавливается. Смотрит на телефон у меня в руках. Потом на шарф. Я жду хотя бы бесполезного «это не то, что ты думаешь» — он ведь умеет говорить, когда ему нужно время. Но муж молчит, и я слышу только, как шуршит подкладка пальто.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он, всё ещё стоя

у двери.

Так он спрашивал сотрудников, задержавшихся после совещания. Мне обычно говорил: «Мара, ты ещё долго?» Я жду своего имени, хотя уже знаю, что его не будет.

Кладу телефон на стол слишком резко; он стучается ребром о мою папку. Артём смотрит на него, и я убираю руку. Если начну спрашивать про отель, он закроет дверь и сведёт всё к семейной ссоре. За дверью офис, на столе отчёт. С этой папкой я сюда и пришла.

— Документы готовы. Подпишешь? — выговариваю я и открываю последнюю страницу. Горло саднит, приходится сглотнуть. Смотрю на Артёма поверх листа: я ведь ждала его подписи час, пусть хоть сейчас взглянет на мою работу.

Артём подходит к столу. Папку он обходит, а телефон забирает сразу, прячет в карман брюк. Я смотрю, как исчезает край экрана: ещё секунду назад там было «уволить её завтра». Между нами остаются шарф и открытая страница отчёта.

— Ты эмоционально нестабильна, Мара, — произносит он. Я вздрагиваю на «Мара». Всё-таки называл, лучше бы не называл. — Подглядываешь в чужие телефоны? В рабочее время? Это непрофессионально. Даже для жены СЕО.

Даже для жены СЕО. Значит, всё, что я сделала здесь до свадьбы и после, можно перечеркнуть одним словом. Хочу напомнить ему первый год, когда зарплаты собирали по частям, хочу спросить про отель. Вместо этого сжимаю зубы.

На столе моя папка; пока я не забрала её, он может ещё заставить меня ждать подписи. Вот до чего мы дошли: я стою перед мужем и думаю, как выйти, не оставив ему свою работу.

— Завтра будет перестройка штата, — добавляет он, поправляя манжету рубашки. Ткань уже лежит гладко, а он всё тянет её, глядя мне в лицо. — Тебе лучше не создавать проблем, Марина. У тебя есть семья, которая может стать твоей опорой, если ты будешь вести себя тихо.

Он произносит «семья», и мне сразу представляется, как я объясняю родителям, почему больше не хожу в офис. Мама начнёт спрашивать, не устала ли я, не слишком ли много работаю. Артём уже подсовывает мне те же слова. Можно уйти тихо, получить деньги и больше не встречать Веронику у кофемашины. Но сначала я должна понять, какие бумаги с моей подписью останутся у него. Если я сейчас не проверю, потом мне их никто не покажет.

Я беру свою папку. Бумаги шуршат слишком громко в тишине кабинета. — Хорошо, Артем. Как скажешь, — отвечаю я. И разворачиваюсь к двери.

В коридоре прибавляю шаг. Из приоткрытой двери он видит меня до самого поворота; там уже можно выдохнуть. Спускаюсь на минус первый. До серверной осталось пять метров. В логах должно быть видно, какие документы он отправил инвесторам. А вдруг ещё ничего? Переписка могла остаться перепиской. Хватаюсь за эту мысль и почти бегу к

двери.

Но путь преграждает охранник. Крупный мужчина в форме, которого я знаю по имени — Сергей. Он стоит перед дверью в серверную, скрестив руки на груди.

— Извините, Марина Андреевна, — бурчит он, отводя глаза. — Технические работы. Доступ закрыт. Инструкция от Артёма Валерьевича.

— Сергей, я финансовый директор. Мне нужны данные для аудита прямо сейчас.

Он опускает глаза на папку у меня подмышкой. Я чуть поворачиваю её, показываю нашу эмблему; сама не понимаю, зачем. Будто Сергей забыл, где я работаю.

— Приказ есть приказ. Никого не пускаем. Даже по вашему пропуску.

Сергей смотрит мимо моего плеча. Обычно он спрашивает про кота; однажды помогал мне найти переноску в багажнике. Сейчас даже «доброй ночи» не сказал. Делаю шаг к двери — он тут же перемещается, и мой нос почти упирается в нашивку на его груди. Я останавливаюсь. За его спиной мигает считыватель, до которого я могла бы дотянуться. Проверить пропуск при нём — дать ему возможность забрать ещё и карту. Не буду. Пусть пока думают, что я смирилась.

Иду обратно к лифту. Каблук цепляется за край коврика; успеваю удержаться и оглядываюсь. Сергей уже повернулся к двери. Он даже этого не заметил.

Глава 2

Ещё этаж вниз, на парковку. На выезде открыты ворота; ноябрьский сквозняк пробирается под пальто. Сажусь в машину и нажимаю блокировку замков прежде, чем положить папку. Теперь, чтобы подойти ко мне, Артёму придётся постучать в стекло. В салоне пахнет кожей и моими духами. Сiju, вцепившись в руль, пока перестаю стучать зубами.

Руки трясутся так сильно, что ключи звенят в замке зажигания. Я не могу завести мотор. Смотрю на заднее сиденье. Там лежит плед. Наш общий плед, серый, мягкий. Артём обычно клал его туда, когда ехал домой после поздних совещаний, и говорил: «Закройся, простудишься». Хочу достать его, укрыть колени — мёрзну до дрожи. Но пальцы уже на краю, а в голове его «Мара». Отпускаю плед. Чёрт, даже согреться без него не получается.

Я хватаю телефон. Набираю номер Артёма. Гудки. Один, два, три... Он не берет трубку. Скорее всего, уже пишет Веронике. Или проверяет свои офшорные счета. Сбрасываю вызов. На экране его имя и длительность — ноль секунд. Я набрала номер человека, от которого только что ушла. Что собиралась услышать? Что он одумался за эти десять минут? Поворачиваю телефон экраном вниз, смахиваю влагу из-под глаз. Завтра ему хватит одного снимка моего лица, чтобы рассказывать про нестабильность. Ещё и коллеги нач-

нут успокаивать вместо того, чтобы задавать ему вопросы.

Нет. Никаких слез.

Я запускаю двигатель. Машина рычит, вибрируя под руками. Вместо дома я еду в сторону центра. В коворкинг на Никольской. Там есть старый серверный шкаф, к которому у меня остался доступ через сервисный аккаунт. Мы оставили его после переезда офиса, для старых резервных копий. Артём перестал спрашивать об этом шкафе, когда основную систему перенесли в облако. Я тоже давно туда не заходила. Если доступ ещё жив, сегодня пригодится то, на что в бюджете всегда жалко было денег.

Коворкинг пустует в этот час. Тишина здесь другая — не враждебная, а рабочая. Я занимаю тихий угол у окна, ставлю ноутбук. Экран светится голубым, отражаясь в стекле. Мои глаза красные, сухие, воспаленные от напряжения.

Подключение идет секунды. Логин. Пароль. Вход в архив бэкапов Q3.

В поиске набираю название отеля, потом имя Вероники. Мне хочется увидеть счёт с датой — такую бумагу, которую он не сможет назвать моей ревностью. Найти, положить перед ним и спросить: ну? Вместо гостиничного чека поиск выдаёт «Финансовый поток Q3». Название привычное, сама столько раз открывала квартальные выгрузки. Щёлкаю и сначала даже не понимаю, почему здесь другие получатели.

Приближаю таблицу, пока на экране не остаётся всего несколько строк. Теперь могу прочитать получателя:

«Veronika Ltd». В рабочем реестре контрагентов такой фирмы нет. Дата регистрации — год назад, в день нашей годовщины. Смотрю на кольцо. Бриллиант цепляется за рукав, когда я убираю руку с мыши. Тогда Артём сам надел его мне на палец и так старался, что я засмеялась. Я опять проверяю дату в файле. Всё верно; смех помню тоже.

Отодвигаю чашку от ноутбука: одно неловкое движение сейчас мне дорого обойдётся. Переводы идут через фирмы, которых нет в рабочем реестре контрагентов. Я считала активы, готовила отчёты, принимала его объяснения по расходам, а он строил выход из компании за моей спиной. После развода делить было бы нечего — ни денег, ни самого бизнеса. Красный шарф можно выбросить. С этими цифрами так не получится. На них осталась моя фамилия.

Колени упираются в перекладину стола; замечаю это только когда начинает болеть. Отодвигаюсь, но руки оставляю на клавиатуре. Если встать сейчас, уйду в туалет и расплачусь. Там никого, можно. А потом что? Вернусь домой и снова стану ждать, пока он объяснит мне мою жизнь? Нет, сначала сохраняю файл.

Записываю названия получателей рядом с суммами. Буквы выходят кривые, но цифры пока держу. Неделю назад аудитор Дмитрий присылал запросы, и Артём требовал не отвечать, пока он не согласует. Я тогда возмутилась только лишней работой: весь пакет был готов. Теперь открываю почту, ищу письмо Дмитрия. Для него это не мой брак. Он

спросит даты, основания, доступы — всё, на что я могу ответить, не уговаривая поверить мне.

Вставляю флешку. Сначала файл, потом проверка: открывается ли он с носителя, все ли строки на месте. Со второго раза попадаю курсором в нужную папку. Пока идёт копирование, кладу ключи от машины рядом с рукой, чтобы не искать их потом. От этого маленького порядка делается легче. Хотя бы флешку, ноутбук и ключи я ещё могу удержать у себя.

Я закрываю крышку ноутбука. Экран гаснет, отражая мое лицо — бледное, с сухими глазами. Я больше не хочу быть женой, которую можно уволить одним сообщением. На флешке — переводы, которые мне придётся объяснять первой: в отчётах стоит моя подпись. Я сжимаю её в ладони и снова открываю письмо Дмитрия на телефоне.

Утром в переговорной слишком светло. От окна видно каждую пылинку на моей чёрной юбке; стряхиваю одну и кладу ладонь на стекло, чтобы занять руку. Спала я мало, но подводку вывела без единого промаха. Артём входит последним, улыбается коллегам. Ко мне не поворачивается. Я приготовила график выручки и оставила на ноутбуке нужную вкладку: если начнёт про мои нервы, отвечу цифрами.

— Коллеги, — начал он, бросив папку на стол так, что та глухо шмякнулась. — У нас кризис доверия в финансовом блоке. Я вижу эмоциональную нестабильность некоторых сотрудников из-за личных проблем. Это влияет на цифры.

Кто-то перестаёт листать блокнот. Вот сейчас посмотрят — и смотрят. Я знаю, какие вопросы у них должны быть к квартальному отчёту; вместо этого они разглядывают моё лицо. Артём встаёт так, что загораживает экран. Вчера он угрожал мне наедине, сегодня привёл зрителей. Прижимаю пальцы к крышке ноутбука. Только бы не хлопнуть ею перед всеми.

Открываю крышку и вывожу график квартальной выручки. Линия идёт вверх; Артём стоит перед самым проектором, часть графика ложится ему на плечо. — Цифры не врут, Артём. В отличие от слухов.

Мне приходится говорить громче, чем хочется. Коллега у окна поворачивается к экрану, и я наконец могу смотреть на него, а не на мужа.

Вероника придвигается вместе со стулом. Алые ногти касаются моего запястья, и я сначала смотрю на её пальцы: эти же ногти на прошлой неделе держали шарф перед зеркалом. — Марина, ты сегодня такая бледная, — прошептала она достаточно громко для всех. — Тебе нужен отдых. Может, я помогу с документами? Чтобы снять с тебя ответственность?

Она гладит меня по руке при коллегах, как больного человека. Я убираю локоть, и её ладонь остаётся висеть между нами. Отдых. Снять ответственность. Все нужные Артёму слова, ещё и произнесённые ласково. Поворачиваюсь к ней прежде, чем она успевает предложить мне воды. — Вероника, кого вы подготовили на моё место? Или финансовый блок

после моего увольнения возглавит HR?

Она замолчала, убрала руку и посмотрела на Артёма. Ответа я так и не услышала. Но Артём перехватил инициативу, ударив кулаком по столу. — Финансы должны быть прозрачны! Дай мне доступ к архивам переписок с инвесторами. Для проверки лояльности.

В переписке с инвесторами есть мои ответы на их вопросы о расходах. Если он получит архив прежде, чем я передам документы аудитору, то сможет выдернуть любую фразу. «Подтверждаю», например. Или «согласовано с СЕО», оставив только первое слово. Передвигаю ноутбук ближе к себе. — Протокол безопасности запрещает СЕО запрашивать личные данные напрямую, — ответила я, не повышая тона. — Такие запросы идут через юристов. Или ты забыл устав компании?

Артём протягивал руку за ноутбуком. Теперь держит её на столе, ладонью вверх. Я жду запроса через юристов; он смотрит мимо меня. Убери руку, Артём. Никаких архивов ты сейчас не получишь.

В лифт Артём входит следом за мной и не нажимает свою кнопку. Двери закрываются. Теперь улыбаться некому. Он прижимает меня спиной к стене; холодная панель касается лопаток сквозь блузку. От его дыхания хочется отвернуть голову, но тогда придётся подставить шею. Оставляю лицо прямо перед ним. — Красный шарф... суши... — зашипел он. — Ты думаешь, я не знаю, что ты видела? Не смей рычать

на меня дома, иначе я сделаю твою жизнь адом на работе. Паникуешь? Плачешь?

Его близость вызывала тошноту, но я заставила себя смотреть ему прямо в глаза. Уперлась ладонью ему в грудь, удерживая расстояние. — Я знаю пароль от твоего телефона, Артём, — сказала я тихо, почти нежно. — И я знаю, где лежат оригиналы договоров с фиктивной фирмой «Вертекс».

На остановке он отступает, чтобы дать выйти людям, и этого хватает. Я выскальзываю первой. Оборачиваюсь уже снаружи: Артём всё ещё держит ладонь на стене там, где только что была моя голова. Про договоры не спросил. Значит, услышал.

В кабинете телефон звонит прежде, чем я успеваю поставить ноутбук. Незнакомый номер. Прижимаю трубку плечом, освобождаю край стола. На том конце говорят быстро, с едва слышимым шорохом между словами; я всё равно пытаюсь узнать голос. — Если продолжишь копать, полиция получит логи утечки данных. Твоих данных. Ты сядешь, Марина.

Звонок обрывается. Сохраняю номер, со второй попытки попадаю в нужную строку. Если наберу сейчас Артёма, он скажет, что понятия не имеет, о чём я. А я останусь объяснять угрозу, в которой даже его имени не прозвучало. Хочу швырнуть телефон. Вместо этого убираю его в карман: номер хотя бы останется у меня.

Глава 3

В коридоре едва не налетаю на Дмитрия. Он отводит в сторону два стаканчика кофе; на крышке одного уже выступила капля. Смотрит на меня, затем протягивает сухой стаканчик. — Тяжелое утро?

Артём выходит из кабинета и останавливается. Смотрит на кофе в моей руке, потом на Дмитрия. Я ещё не успела поблагодарить, а муж уже здесь. — Дмитрий, вы сторонний наблюдатель. Вам не место в операционных процессах. Отойдите от сотрудника.

Дмитрий сделал глоток кофе, спокойно глядя на СЕО. — Мои полномочия позволяют общаться с любым сотрудником для целей аудита.

Дмитрий поворачивается ко мне, оставляя Артёма ждать ответа. — У тебя обеденный перерыв? Есть вопросы по структуре затрат. Обсудим?

Он предлагает локоть. Между ним и Артёмом приходится протиснуться, и я берусь за руку Дмитрия: сейчас хочу пройти именно так. Муж отступает на полшага. Жду, что окликнет меня домашним именем, велит вернуться. Но мы успеваем дойти до лифта, прежде чем я слышу, как закрывается дверь его кабинета.

В кафе напротив офиса Дмитрий садится у окна, я выбираю место лицом к двери. Сахар уже растворился, а я всё

мешаю кофе. — С увольнением я разберусь. Но он расскажет всем, что я украла базу. Ни одного разговора со мной — сразу отказ.

Ложечка звякает, за соседним столом оглядываются. Сжимаю её между пальцами. — Он разрушит мою карьеру навсегда.

Дмитрий не перебивает. Когда я дважды повторяю, что не крала данные, он отставляет кофе и ждёт, пока я закончу. Меня это одновременно успокаивает и раздражает: я не привыкла столько оправдываться. У меня есть файл, даты, конкретные получатели. Поворачиваю к нему ноутбук — хватит говорить про мою репутацию в будущем времени. — А ты проверяла логи доступа к серверу за последние три месяца? — спросил он вдруг. — Не свои действия. А действия администратора. Кто настроил права?

Ложечка ударяется о край чашки. Я смотрела переводы, искала своё имя, сверяла суммы. А кто менял права перед выгрузкой? Для этого не нужно гадать, с кем спал Артём и что он теперь скажет. Нужен журнал администратора. Подвигаю чашку в сторону и открываю новую вкладку; Дмитрий придерживает ноутбук, чтобы он не соскользнул с маленького столика.

Назад в офис я иду быстрее. Закрываю дверь кабинета и вытираю с губы тонкую полоску крови: опять прикусила, пока слушала Дмитрия. За жалюзи проходит чья-то тень. Ещё вчера я выглянула бы, не Артём ли это. Сегодня разворачи-

ваю монитор от двери и открываю журнал доступа. Если записи удалены, буду искать резерв. Мне наконец есть что делать кроме ожидания следующего унижения.

В квартире пахнет хлоркой. Останавливаюсь ещё в прихожей, с одним снятым ботинком в руке. Раньше тут пахло варёной курицей: я готовила коту и проветривала, а Артём ворчал, что вся квартира кошачья. Теперь даже знакомого запаха шерсти на пледе нет. Лимонный очиститель перебивает всё. Он заказал генеральную уборку, и я не могу отделаться от мысли, что первым делом здесь отмывали меня.

Барсик сидит возле пустой миски, в которой отражается лампа. Клининг постарался, а покормить его было некому. Ставлю сумку на пол, открываю запасную банку паштета. Кот суёт нос прежде, чем я успеваю переложить еду, и я отодвигаю банку, чтобы он не порезался о край. «Подожди, жадина». Голос получился нормальный; вот кому я ещё могу говорить нормально. Сажусь рядом на линолеум. Пока Барсик ест, провожу пальцем по стыку плит — ищу прежнее пятно от кофе. И его вычистили.

На утренней планёрке кофе мне не предлагают. Кувшин передают мимо, и я сама тянусь за ним; коллега поспешно освобождает место, но в глаза не смотрит. Мой финансовый отдел расселся полукругом. Лена, с которой мы три года закрываем отчётность, кладёт передо мной стопку документов и сразу отдёргивает руку. На титульном листе вместо привычной «М.И.» размашисто написано: «Согласовано А.В.».

Я перестаю наливать кофе.

— Лена, — мой голос звучит тише, чем я хотела бы. — Объясни расхождения в актах по третьему подрядчику. Где обоснование стоимости?

Лена дёргается на своё имя. Под её пальцем надрывается угол листа, и она принимается разглаживать его, пока я жду ответа. — Артём Валерьевич сказал, что это срочно... Для инвесторов. Он пересчитал маржу вручную.

Артём умеет называть маржу красивой. Считать её он зовет меня. Лена это знает, поэтому и теребит лист, хотя край уже надорван. Жду, не скажет ли она ещё хоть что-нибудь. Три года вместе, десятки срочных отчётов, звонки по выходным — сейчас хотелось бы услышать простое «мне так велели». Но Лена смотрит на подпись А.В. Я возвращаю ей лист, стараясь не коснуться пальцев. Не стану вынуждать её выбирать при всём отделе. Сначала выясню, кто именно менял эти акты.

У себя открываю ноутбук. В квартальном отчёте всё ещё красные отметки; оставляю их, возвращаясь к журналу доступа. Строка за ночью перед разговором о моём увольнении: IP-адрес Вероники, массовое скачивание архивов клиентов. Сверху пометка «HR-аналитика». Прокручиваю назад, проверяю адрес ещё раз. Её.

«HR-аналитика» — название папки невинное, можно показать на любой планёрке. Открываю состав выгрузки. Резюме там нет. Зато клиентские профили, реквизиты счетов,

документы, к которым Веронике незачем было прикасаться. Сверяю время скачивания с журналом удаления. Час. Всего час между получением базы и её исчезновением из облака. Она не выбирала кандидатов. Я подношу чашку ко рту и ставлю обратно, не отпив: на дне осталось совсем холодное.

Дверь кабинета открывается бесшумно. Артём стоит в проеме, поправляя манжеты рубашки. Он выглядит безупречно. Уставшим, но довольным собой.

— Марина, заходи. Нам нужно обсудить условия выхода.

В его кабинете появился третий стул — красный, кожаный. На спинке ещё ни складки. Артём обходит его, садится за стол и указывает мне на сиденье. Я останавливаюсь рядом. Он ждёт, потом убирает руку: ради моего удобства вставать не собирается.

— Ты эмоциональна, Мара, — начинает он мягко и поддвигает папку к краю стола. На домашнее имя я чуть не отвечаю привычным «что?». Прикусываю язык. — Ты сама всё усложнила. Паранойя, эти твои проверки... Я предлагаю золотой парашют. Шесть окладов. Плюс полный релокационный пакет. Взамен ты передаешь все административные пароли и подписываешь соглашение о неразглашении. Тихо. Быстро. Красиво.

Он улыбается на слове «красиво», как будто мы снова выбираем отпуск. Шесть окладов — приличная сумма. Можно пережить несколько месяцев, не объясняя каждому знакомому, что случилось. Ловлю себя на том, что уже считаю

расходы, и злюсь: даже сейчас он умеет занять меня расчётами вместо ответа. В пакете напротив него лежит NDA. До него рукой подать. Я убираю свою руку за спину.

— Деньги мне не нужны. — Приходится выговорить это медленно: сумму я уже успела прикинуть. — Я хочу забрать свои личные вещи и Барсика.

Артём морщится, отодвигает папку обратно. Смотрит на меня, потом на свободный стул, будто я просто ещё не устроилась для торга. Я стою. Пальцы за спиной сжаты так, что болят суставы; он их не видит. — Если ты уйдёшь без документов, без передачи доступов, я подам на тебя иск за утечку данных. Тебе негде будет работать. Ни в одном стартапе, ни в банке. Твоя репутация CFO будет уничтожена одним звонком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.